

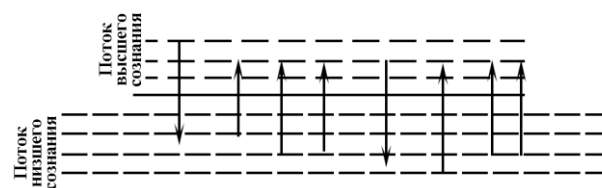
Взаимная коммуникация двух Я¹

Борис Сайдис

Публикация является полным переводом 17-й главы из книги американского психолога и психотерапевта Бориса Сайдиса – «*The psychology of suggestion*» (1898). В этой главе описываются некоторые факты, полученные А. Бине в экспериментах с истеричными пациентами, но в основном – результаты собственных экспериментов автора, в которых изучались явления, которые в современной психологической литературе часто называются «восприятием без осознания», «бессознательным восприятием», или «подпороговым восприятием». Часть экспериментов автор провел на самом себе, воспользовавшись тем обстоятельством, что один его глаз был плохо видящим (амблиопичным), в других экспериментах принимали участие десятки здоровых испытуемых с нормальным зрением. Для обеспечения подпорогового условия Б. Сайдис использовал предъявление символов (буквы, цифры) на таком расстоянии от испытуемого, на котором он переставал сознательно опознавать символы. Хотя все эксперименты отличаются методической простотой, их логика вполне соответствует современным методическим подходам.

Ключевые слова: первичное Я, вторичное Я, А. Бине, анестезированная рука, диапазон чувствительности, подпороговое восприятие, внушение

Два Я (selves) у нормального человека настолько скоординированы, что они сливаются в одно. Для всех практических целей он единое целое, тем не менее индивидуум дуален. Самосознательная личность, хотя, очевидно, перемешивается (blended) с полусознанным Я (subwaking self), все же отличается от последнего. Жизнь бодрствующего самосознания течет внутри большей жизни полусознанного Я подобно тому, как теплое экваториальное течение находится в пределах холодной глубины океана. Может показаться, что стремительно бегущий поток и глубокий океан образуют одно тело, но на самом деле это не так. Один поток является основой, на которой циркулирует другой. Вода в одном потоке не перемешивается с водой из другого. Однако сообщение между потоками существует. Теплые воды Гольфстрима переносятся в океан, а бурное движение океана передается Гольфстриму. Так и с двумя Я. Кажется, что оно одно, но на самом деле их два – теплый поток бодрствующего самосознания не смешивает свой разум с разумом полусознанного Я. Хотя их потоки происходят обособленно, они все же сообщаются. Сообщения посылаются от одного к другому; и так как диапазон чувствительности – жизнь – шире и глубже в случае полусознанного Я, сообщения, как правило, поступают не от осознанного Я к полусознанному, а, наоборот, от полусознанного Я, или вторичного Я, к осознанному, или первичному Я (primary self). Эти два потока сознания и их сообщение могут быть представлены таким образом:

¹ Sidis, B. (1898 / 1919) *The psychology of suggestion*. New York: D. Appleton. Глава XVII.

Перевод: Б.Г. Мещеряков. Редакторы перевода: В.А. Заславская и А.И. Назаров. Подготовка рисунков: Валерия Мошкина.

Мы находим такие сообщения в случае истерии. Попросите истеричного пациента подумать о числе, и если он будет держать перо или карандаш в анестезированной руке, то он напишет число, или если у него в руке будет динамометр, то он нажмет ровно столько, сколько единиц в числе, не осознавая, что он делает. В этих ситуациях сообщение передается от первичного ко вторичному Я.

«L., истеричный пациент, полностью анестезированный, – говорит Бине,² – пристально смотрел на синий крест; положение и форма креста за счет одновременного контраста вызвали возникновение желтого цвета вокруг креста. В это время правая рука, в которую, не сообщая пациенту, было вложено перо, все время писала: “Синий, желтый, синий, желтый, и т.д.”» Здесь снова мы имеем сообщение от основного ко вторичному Я.

С другой стороны, «захватим анестезированную руку», – пишет Бине³, – «и сделаем так, чтобы за специальным экраном рука выводила слово «Париж». Нам известно, что это слово будет «написано» несколько раз подряд. Далее, обращаясь к основному субъекту (то есть бодрствующему самосознанию), попросим его написать слово «Лондон». Субъект, при полном отсутствии информации о том, что только что имело место, усердно возьмется за ручку с намерением исполнить наше желание, но, к полному изумлению субъекта, непослушная ручка вместо «Лондон» напишет «Париж»». Это и есть моторное сообщение, транслированное вторичным Я первичному.

Следующие эксперименты, также проведенные Бине⁴, еще более ошеломляющи:

«Сделаем десять уколов (punctures) на анестезированной руке, и спросим субъекта, который, разумеется, не видит свою руку, скрытую за экраном, подумать о каком-нибудь числе и назвать его; чаще всего подопытный ответит, что подумал о цифре десять. Подобным образом, положим ключ, монету, иглу, часы в анестезированную руку, и попросим испытуемого подумать о любом произвольном объекте; чаще всего, он подумает именно о том объекте, который вложен в его бесчувственную руку».

Если мы обратимся к гипнозу, и там найдется частое проявление таких сообщений.

Я загипнотизировал г-на А.Ф. и рассказал ему две истории; далее я внушил ему, что после пробуждения он не сможет вспомнить ничего из того, что я ему рассказал – то есть память должна остаться во власти полуосознанного Я. Я разгипнотизировал его. Мои друзья, присутствующие на сеансе, спросили его, знает ли он, что я ему рассказал. Он был удивлен вопросом и не смог ничего вспомнить. Несколько минут спустя я подошел к нему, положил руку на его лоб и сказал: «Теперь ты можешь вспомнить все, что произошло во время гипноза. Попытайся, ты сможешь!» Некоторое время он думал, а потом, в один момент, как будто неожиданно получив информацию, пересказал нам обе истории в деталях.

В другой раз я провел его через серию действий, снова внушив забытие, и опять с такими же результатами. Он думал, что глубоко спал в течение получаса. Как только я положил руку на его лоб, полуосознанное Я тут же отправило подробную

² A. Binet, On Double Consciousness.

³ A. Binet, On Double Consciousness.

⁴ A. Binet, On Double Consciousness.

информацию осознанному Я. Однажды я провел г-на А.Ф. через серию сцен и различных сложных жизненных событий. И снова внушил ему забывчивость. «Когда он очнулся, он отметил, что спал очень долго – на протяжении полутора часов; он не смог ничего вспомнить. Я положил руку ему на лоб, внушил возврат воспоминаний, и гипнотическое Я тут же отправило информацию.

Теперь, если гиперстезическое, полусознанное Я и бодрствующее самосознание, их взаимосвязи и взаимоотношения, существуют в обычной жизни так же, как они, несомненно, существуют в состояниях гипноза, автоматического письма и гадания с помощью кристалла (*crystal-gazing*) – если они существуют, как я говорю, также в жизни каждого человека, то нам следует выяснить это с помощью экспериментов. Мы должны обнаружить, что сенсорные впечатления, которые лежат вне диапазона чувствительности осознанного Я, но в пределах диапазона полусознанного Я, все еще будут передаваться первичному Я. Догадки испытуемого должны быть намного выше мертвого случайного уровня – вероятности случайного угадывания. И это на самом деле имеет место.

Первый ряд экспериментов я проделал непосредственно на себе. Мой правый глаз является амблиопичным; он видит очень плохо; для него все вещи как в тумане. Когда левый глаз закрыт, и передо мной открыта книга, я неспособен отличить букву от цифры; я вижу только пятна, строки из них, они видятся неясно, туманно, колеблющимися, появляющимися и исчезающими из моего поля зрения. Когда одна буква или цифра предъясвляется моему правому глазу, я вижу лишь черное пятно, как зернышко, окутанное туманом.

Я попросил г-на В. сделать двадцать пять карточек и написать на каждой четыре символа – буквы, цифры или то и другое – в различных комбинациях, но так, чтобы на всех двадцати пяти карточках число букв равнялось числу цифр. Когда карточка предъясвлялась моему правому глазу, другой был закрытым⁵, я должен был угадать, какой из символов был буквой, а какой – цифрой. Когда первая серия из двадцати пяти карточек кончалась, карточки перемешивались, и проводилась вторая серия. Позже, те же самые карточки использовались для еще двух серий. Таким образом, я провел две группы экспериментов с двумя сериями в каждой группе. Каждая серия состояла из ста экспериментов, таким образом, всего было проведено 400 экспериментов.

В этом классе экспериментов, названных Классом А, результаты были следующие:

В первой серии первой группы, из ста символов правильно угаданы шестьдесят восемь. Так как было только два варианта – буква или цифра – то надо вычесть 50 процентов, поскольку столько можно угадать чисто случайно (мы обнаружим, однако, из наших других экспериментов, что вычитаемый процент является завышенным); таким образом, остаются 18 процентов в пользу сообщений, приходящих от вторичного Я – другими словами, 18 процентов остается в пользу вторичного восприятия.

Во второй серии первой группы, из ста символов правильно угадано семьдесят два; здесь снова мы должны вычесть 50 процентов, которые могли бы быть следствием случая; таким образом, 22 процента остаются в пользу вторичного восприятия.

В первой серии второй группы правильно угадано семьдесят символов из ста показанных; вычитая пятьдесят, у нас остается 20 процентов в пользу вторичного восприятия.

⁵ К сожалению, автор не уточнил, каким способом закрывался глаз, но судя по тому, что далее он пишет, как утомительно было держать закрытым глаз, вполне вероятно, что глаз закрывался произвольным зажмуриванием. – Б.М.

Во второй серии второй группы из ста показанных символов семьдесят шесть оказались правильно угаданными; вычитая пятьдесят, мы получаем 26 процентов в пользу вторичного восприятия.

Из четырехсот экспериментов тип символа был угадан 286 раз, что дает 71,5 процента; вычитая пятьдесят процентов, у нас есть 21,5 процента в пользу вторичного восприятия.

Цифры часто говорят более красноречиво, более убедительно, чем тома <слов>. Полученные частоты правильных ответов, касающихся общего характера символа, значительно ниже действительных величин, поскольку при вычитании пятидесяти процентов мы вычитали слишком много, как покажут наши дальнейшие эксперименты; тем не менее они были настолько поразительны, что я сообщил их профессору Джеймсу, и он был достаточно любезен, чтобы воодушевить меня в моей работе, и посоветовал продолжать исследование дальше в том же направлении.

Новые эксперименты проводились с рядом изменений. В качестве стимулов выбраны пять разных букв (А, В, Е, N, Т) и столько же разных цифр (2, 4, 5, 7, 9). Каждая буква (прописная) или цифра писалась на отдельной карточке. Я знал символы, и не должен был угадывать никаких других, кроме этих. Я не должен был говорить просто «буква» или «цифра», имея только два варианта, как было в экспериментах Класса А, но я должен был назвать один из десяти показываемых символов; короче говоря, я должен был всегда давать конкретное название. Теперь здесь каждое угадывание могло быть либо общим, или и конкретным и общим, или ошибочным в целом. Когда я букву принимал за букву или цифру за цифру, но давал неправильное название – например, я говорил «5» при предъявлении 7, или «Е» при показе N – то я правильно угадывал общий тип показанного символа. Когда я давал правильное название, я угадывал, конечно, и конкретный символ и его общий тип. Однако если я называл букву при предъявлении цифры или наоборот, то я ошибался, и ошибался полностью. Когда серия из десяти карточек завершалась, карточки снова перемешивались, и начинался новый ряд. Но за один раз проводилось немного экспериментов, поскольку я должен был держать левый глаз закрытым, и смотрел только правым глазом, который вскоре сильно утомлялся.

Эти эксперименты, названные Классом В, дают следующие результаты:

Из 400 проведенных экспериментов, общий тип угадывался правильно 273 раза, из которых конкретный символ угадывался правильно 188 раз.

Выдающийся успех этих последних экспериментов побудил меня попытаться сделать то же самое на людях с нормальным зрением. Эксперименты были продолжены следующим образом: были подготовлены десять карт; на каждой была выведена блеклым контуром небольшая прописная буква или цифра, количество букв и цифр было равным, т.е. было пять карт с разными буквами на каждой и пять карт с разными цифрами на каждой. Испытуемый в этих экспериментах располагался на таком расстоянии, чтобы символ был вне его диапазона видения; он видел только простое пятно, размытое, и часто вообще пропадающее. Испытуемому говорилось, что есть десять карт в наборе, что количество карт с буквами равно количеству карт с цифрами, но ему не сообщали конкретные названия символов. Каждый раз, когда показывали карту, испытуемый должен был дать некоторое определенное название символа, которым могло бы оказаться видимое пятно. «Они все похожи, просто размытые пятна,» – жаловались испытуемые. «Не важно» – отвечал я, – «только назовите любую букву или цифру, которая приходит вам на ум при наблюдении этого пятна».

Испытуемых было восемь. Я работал с каждым отдельно, проводя пять раундов с каждым из них, т.е. по 50 экспериментов на человека, и всего 400.

В этом классе экспериментов, названном Классом С, результаты следующие:

Из четырехсот экспериментов 255 правильных угадываний типа символа, из которых девяносто два были также правильными относительно идентичности символа.

В последних экспериментах Класса С символы были написаны в печатном виде; тем не менее я не мог это сделать очень хорошо: символы не были в точности одинаковой толщины и размера. Поэтому я провел другой ряд экспериментов, и на сей раз с двадцатью очень разными испытуемыми. Я взял десять карт и наклеил на них буквы и цифры одного и того же размера. На всех картах были разные либо буква, либо цифра следующего размера⁶: К.

Количество цифровых карт равно количеству карт с буквами (по пять). Испытуемому сообщалось, что есть набор из десяти карт, с буквой или цифрой на каждой, и что количество карт с цифрами равно количеству карт с буквами, но определенные названия символов не сообщались.

Я работал с каждым испытуемым отдельно, проводя только по две серии с десятью экспериментами в каждой. Испытуемый находился на таком расстоянии от карты, что показываемый символ виделся плохо. Испытуемый видел только тусклое, смазанное пятно или точку (spot or dot). Испытуемому следовало называть некоторый символ, который мог бы быть на карте. «Это всего лишь догадки», – комментировали испытуемые.

В конце первой серии карты перемешивались, и предьявлялась вторая серия. Каждый испытуемый видел одну и ту же карту дважды. Кол-во испытуемых составляло двадцать, все первые серии образуют группу из двухсот экспериментов, и такую же группу образуют вторые серии.

Результаты в Классе D следующие:

В первой группе, из двухсот символов, 130 раз угадывался общий характер символа, из них конкретно правильно были названы 49.

Во второй группе, из двухсот символов, в 140 случаях угадан тип символа и 54 раза его конкретное название.

Затем я провел с тем же числом испытуемых другое множество экспериментов, которые соответствовали Классу В, проведенных на мне, – а именно, испытуемым сообщались конкретные названия символов:

Буквы: В, Z, К, U, Н.

Цифры: 2, 4, 5, 7, 9.

Символы были все одного размера, печатные, буквы прописные. Испытуемый должен был называть только один из этих символов. С каждым испытуемым проводилось две серии по десять карт, таким образом было две группы из двухсот экспериментов в каждой.

Результаты в этом Классе Е оказались следующие:

В первой группе из двухсот символов правильно угадан общий тип 140 раз, из них правильно названо 68 символов.

Во второй группе из двухсот правильно угадан общий тип 151 раз и 71 раз идентичность символа.

⁶ Конечно, странно, что автор вместо того, чтобы указать количественно размер букв, предлагает посмотреть на него. – Б.М.

Как я отметил выше, испытуемые часто жаловались, что вообще не могли видеть ничего; что даже черное, размытое, тусклое пятно часто исчезало из их поля зрения; и им приходилось просто угадывать; и что с таким же успехом они могли бы гадать с закрытыми глазами. Насколько же они были удивлены, когда после завершения экспериментов, я сообщил им, сколько символов они правильно угадали в отношении их общего типа и сколько раз правильно называли символы!

Теперь все эти эксперименты вполне доказывают существование внутри нас вторичного полусознанного Я, которое воспринимает вещи, когда первичное осознанное Я неспособно это сделать. Эксперименты указывают на взаимосвязь двух Я. Они показывают, что сообщения посылаются вторичным Я к первичному. Кроме того, результаты, по-видимому, показывают, что в случае невозможности конкретного сообщения некоторое *абстрактное общее описание* символа все еще достигает высшего сознания. Заторможенная конкретная (частная) идея все же достигает первичное Я в виде абстрактной идеи. *Абстрактная общая идея в бодрствующем сознании основывается на конкретной идее полусознанного Я.*

Таким образом, здесь может найти разрешение великий спор номинализма и концептуализма о природе абстрактных общих идей. Концептуалисты без сомнения правы в утверждении, что общая абстрактная идея может существовать в сознании без конкретной идеи или осознанного восприятия, но они не говорят, что это сознание есть сознание бодрствующего Я. В свою очередь, номиналисты правы, утверждая, что общая абстрактная идея или понятие имеет конкретную идею или перцепт в качестве своей основы; однако они не добавляют, что этот перцепт может полностью отсутствовать в бодрствующем сознании и быть представленным только в подсознании. *Нет общей абстрактной идеи без некоторого конкретного перцепта как основания.*

Вернемся, однако, к моей <экспериментальной> работе. В то время как проводились вышеописанные эксперименты по вторичному восприятию, я провел и другой набор экспериментов, цель которого состояла в том, чтобы непосредственно исследовать внушаемость вторичного Я, и обнаружить влияние, которое подсознание имеет на первичное сознание.

«Механизм» экспериментов был следующим: На листках бумаги я сделал ряд сложных рисунков (по одному на каждом листке). Испытуемый должен был смотреть на рисунок в течение десяти секунд, затем лист убирался, и он должен был воспроизвести рисунок по памяти – чрезвычайно трудная задача. Ему требовалось приблизительно пятнадцать секунд и более прежде, чем он мог сделать что-либо имеющее малейшее сходство с показанным рисунком. Когда он завершал рисовать, ему показывали удлинённый картон с восемью цифрами, наклеенными в ряд, и испытуемый должен был выбрать цифру, которая ему понравилась. Важно отметить, что на краю каждого листка была написана цифра, содержащаяся в числе цифр на картоне, из которых испытуемый должен был выбирать. Испытуемый, не имеющий ни малейшего подозрения о реальной цели экспериментов, будучи *совершенно уверенным*, что все дело было в имитации рисунков, и убеждавшийся мною, что выбор цифр на картоне необходим лишь, «*чтобы отвлечь внимание*» при переходе от одного рисунка к другому, и будучи кроме того сильно поглощенным наблюдением и воспроизведением рисунка, который был крайне сложным, – испытуемый в самом деле полностью игнорировал цифру на краю листка – он даже не замечал ее. Я настолько успешно устранял все подозрения и отвлекал внимание испытуемых, что, когда профессор Джеймс опросил одного из них, интеллигентного человека, то профессор был удивлен полным незнанием последнего о том, что реально происходило.

Цель этих экспериментов, как я сказал, состояла в том, чтобы исследовать непосредственно подсознание, и посмотреть, посылает ли оно внушение – сообщения первичному сознанию, у которого самым механизмом экспериментов были выключены средства защиты. В предыдущих экспериментах по внушению, несмотря на все предпринятые предосторожности, испытуемый более или менее осознавал, что происходило. Я не мог полностью исключить все подозрительное, и успех, поэтому, мог бы быть гарантирован только множеством условий, благоприятных для нормальной внушаемости, и особенно условием *немедленного выполнения*, так, чтобы у высшего Я не было времени затормозить передачу внушения. С другой стороны, в данных экспериментах внушение адресовалось *прямо* (конечно, насколько это было возможно в нормальном бодрствующем состоянии) к полуосознанному Я. Высшее первичное Я, будучи полностью поглощенным рисованием, не замечало цифру, или, если замечало, то вскоре научилось игнорировать ее, потому что считало ее незначимой, и потому что она только отвлекала его внимание. Но хотя цифра не замечалась и полностью игнорировалась (факт, который я тщательно подтверждал от испытуемых косвенным способом), она все же производила воздействие на сенсорный орган, достигала вторичного Я, которое принимало ее в качестве внушения, посылая о ней сообщение первичному Я или личности и влияя на ее выбор.

Это внушение выбора поразительно похоже на постгипнотическое внушение. Я загипнотизировал, например, г-на J.F., и сказал ему, что через десять минут после пробуждения он выключит газ. После пробуждения и спустя десять минут он выключал газ⁷. Когда я спросил его, почему он сделал это, он ответил, что не знает, почему, но так или иначе идея пришла ему на ум, и он выполнил ее и действительно выключил газ. Постгипнотическое внушение поднимается из глубин вторичного Я как фиксированная, настойчивая идея. Подобное состояние ума интересно было найти у испытуемых в рассматриваемых экспериментах. Даваемое внушение должно было выполняться только после завершения рисунка – то есть, приблизительно пятнадцать, двадцать или двадцать пять секунд спустя. Теперь, когда, например, в качестве внушения была цифра восемь, и испытуемые выбрали восемь, они очень часто говорили мне, что не знали, почему, и что это число пришло неожиданно в их ум, будучи предъявленным на картоне с цифрами. Мы не должны удивляться этому, поскольку здесь работают те же самые психические элементы, что и в состоянии постгипноза. В гипнозе внушение принимается вторичным, полуосознанным, поддающимся внушению Я, и позднее оно прорывается через поток бодрствующего сознания, образуя настоящую идею; таким образом, здесь, в этих экспериментах с выбором, внушение воздействовало на полуосознанное Я *непосредственно и прочно*, а затем оно посылалось бодрствующему сознанию. И точно так же, как мы находим это в случае постгипнотического внушения, когда не всегда и не все внушения, данные во время гипноза, успешны в том, чтобы быть выполненными, здесь, т.е. в наших экспериментах, внушения – сообщения из подсознательных областей – не всегда принимаются высшим сознанием испытуемого. Мы не можем ожидать неизменного успеха в состоянии, когда бодрствующее Я находится в полном разгаре (*full swing*) и обладает всей мощью торможения. Тем не менее успех был замечателен.

Прежде чем описать результаты, позвольте мне сказать несколько слов относительно классификации экспериментов. Когда я начинал свои первые эксперименты этого типа, у меня было подозрение, что даже если внушение не будет успешным, возможно, оно будет осуществляться *частично* как опосредствованное внушение, возбуждая некоторую ассоциацию, которая будет иметь влияние. Например,

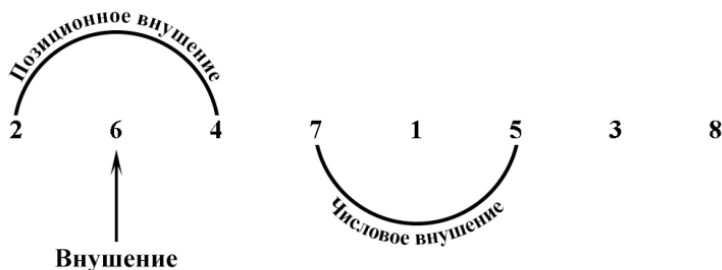
⁷ Очевидно, речь идет о газовом освещении. – Б.М.

предъявляя 6 в качестве внушения, цифра 6 непосредственно не будет выбираться, но будет выбираться некоторое число, которое следует или предшествует ей, такая как 5 или 7, или, возможно, цифра, расположенная рядом с ней, скажем, 1 или 2, поскольку я располагал свои числа на картоне таким способом, чтобы нарушить натуральную последовательность цифр. Поэтому я старался различать два разных класса этих двух видов ассоциативных внушений – а именно, *внушения местоположением* и *числовое внушение*, которые мы можем назвать как позиционные и числовые внушения. Результаты моих экспериментов показали, что опосредствованное внушение имело место здесь, но не имело большого значения.

Я провел одну тысячу экспериментов и работал с двадцатью испытуемыми, из которых шестнадцать были новые, не принимавшие участие в каком-либо из других моих экспериментов.

Числа на картоне были расположены таким образом: 2 6 4 7 1 5 3 8

При внушении цифры 6 испытуемый мог бы подвергнуться влиянию числового внушения – то есть, произошел бы выбор 5 или 7; или позиционного внушения, выбрав 4 или 2.

Результаты оказались следующие:

	Процент
Непосредственное внушение	32,1
Опосредствованное внушение:	
позиционное	6,2
числовое	3,3

Как мы объясним тот факт, что в наших экспериментах процент правильных угадываний намного выше случайного? Две теории можно использовать для объяснения этого факта: одна – это хорошо известная теория бессознательной работы мозга (*unconscious cerebration*), и другая, которая является моей собственной точкой зрения, – и я могу назвать ее «психофизиологической теорией».

По теории бессознательной работы мозга каждая цифра, показанная за границами способности видения (*range of vision*), производит воздействие на сетчатку. Это впечатление передается в *sensorium*, в центральные ганглии мозга, в затылочные доли, возбуждая там физиологические процессы, которые не достаточно сильны, чтобы подняться выше порога сознания. Короче говоря, каждая цифра стимулировала периферический орган восприятия, давая начало центральному, но бессознательному физиологическому процессу. Теперь, согласно теории бессознательной работы мозга, именно этот бессознательный физиологический процесс помогает испытуемому сформировать правильные угадывания.

Психофизиологическая теория, находясь в согласии с теорией бессознательной работы мозга, относительно физиологического описания делает шаг далее. Каждая цифра, конечно, производит впечатление в периферическом органе восприятия и вызывает центральные физиологические процессы, но эти процессы имеют свое психическое сопровождение. Это далеко не просто механическая, бессознательная работа, в ней физиологические процессы сопровождаются сознанием; только это сознание представлено не в высшем, но в низшем, подсознательном Я.

Если мы проанализируем теорию бессознательной работы мозга, мы обнаружим ее недостаточной для полного объяснения. Без сомнения каждая цифра запускает некоторый центральный физиологический процесс, но физиологический процесс без какого-либо психического сопровождения не может вести к (*slew to*) психическому процессу правильного угадывания; до тех пор, пока материальный процесс остается материальным, он с психической точки зрения все равно, что не существует – то есть, он не может приниматься во внимание уже существующим сознанием; согласно самой гипотезе, он не может приводить к сознанию. Только если у физиологических процессов есть психическое сопровождение, они могут служить вообще в качестве нити для (*slew for*) корректного угадывания. Короче говоря, процент правильных угадываний в наших экспериментах не может быть объяснен теорией бессознательной работы мозга; там должно было присутствовать *сознательное восприятие*.

Кроме того, чтобы иметь правильную *общую* идею о едва различимой точке как являющейся буквой или цифрой, очевидно, должно быть некоторое восприятие *конкретных* черт точки; должно быть подсознательное восприятие конкретной буквы или цифры.

Более того, чтобы быть еще более уверенным, что подсознательное восприятие – *истинная причина* (*vera causa*) правильного угадывания, я провел следующие эксперименты:

На пяти картах были помещены пять имен собственных, по одному имени на каждой карте. Карты затем показывались испытуемым, которые находились на таком расстоянии, что они могли видеть только некоторые слабые точки. Испытуемому сообщалось, что есть пять карт, и что на каждой карте было некоторое имя собственное – название реки, города, птицы, мужчины и женщины – но ему не сообщались сами имена собственные. Каждый раз, когда показывали карту, испытуемый должен был угадать, на что категориально указывает слово (город, реку, птицу, мужчину или женщину). Испытуемых было десять. Общее количество проведенных экспериментов составляло пятьсот.

Из пятиста экспериментов, в триста шести догадки были неверными, а в ста девяносто четырех – правильными. Так как было пять имен для угадывания, одна пятая, или 20 процентов от общего количества ответов могли быть случайными – то есть, сто угадываний могут быть отнесены на счет случая, но там все еще имеется остаток из девяноста четырех угадываний, или 18,8 процентов от общего количества экспериментов.

Этот остаток должен быть объяснен чем-то другим, чем шанс. Для такого результата должно существовать объяснение, выходящее за рамки случайности. По теории бессознательной работы мозга такой результат почти непостижим. Как можно угадать правильно то, что мы не видим – выглядит это как человек, река или город – если мы действительно не воспринимаем показываемое имя собственное?

Согласно психофизиологической теории, или теории подсознательного восприятия (*subconscious perception theory*) мы можем полностью понять причину этого остатка. Имена действительно воспринимались. Низшее, вторичное Я, или

подсознание, воспринимает имена собственные, но только некоторые из них могли передаваться высшему сознанию.

Факты и эксперименты, рассмотренные выше, по-видимому, указывают простой силой совокупного доказательства на присутствие внутри нас вторичного, рефлекторного, скрытого сознания – дороги внушения – а также на взаимосвязи и сообщения, которые существуют между двумя Я.